

Л. МАРТОВЪ

Л. Мартовъ — Ю. О. Цедербаумъ — былъ признанный вождь русской социаль - демократической партіи, ея мозгъ и душа. Смерть его не можетъ, поэтому, не привлечь вниманія русской общественности. Мартовъ былъ слишкомъ выдающимся политическимъ дѣятелемъ, исключительной силы публицистомъ и высокими моральными достоинствами человѣкомъ, — чтобы даже враждебные его взглядамъ и дѣятельности общественно - политическіе органы имѣли право обойти его кончину молчаніемъ.

Мартовъ принадлежалъ къ героическому предреволюціонному поколѣнію русской интеллигенціи. Его идейное самоопредѣленіе относится къ началу девяностыхъ годовъ, когда только что нарождавшійся на русской почвѣ марксизмъ вступалъ въ бой съ увядавшимъ, казалось, народничествомъ. Нужно прочесть автобіографію Мартова — недавно вышедшій его «Записки социаль - демократа», — чтобы оцѣнить вліяніе, которое оказала борьба съ «народнической идеологіей» на первое поколѣніе русскихъ марксистовъ: Плеханова, Струве, Ленина, Потресова, Мартова и друг. Иногда простое отталкиваніе отъ стараго, отвергнутаго завѣта опредѣляло содержаніе новаго. Въ борьбѣ съ народничествомъ изоцрѣялась діалектика, оттачивались лозунги, заострялись мысль и перо Мартова. Юношескіе годы его политической зрѣлости оказались рѣшающими и навсегда опредѣлили направленіе дальнѣйшаго пути Мартова: борьбѣ съ народничествомъ Мартовъ остался вѣренъ съ момента прочтенія, еще девятнадцатилѣтнимъ юношей, въ 1892 году, — марксова «Капитала» и до конца своей жизни.

Жизненная судьба Мартова даетъ яркій примѣръ тому, какъ мощный духъ можетъ избрать своей оболочкой хилое, тщедушное тѣло, и какъ сухая теорія можетъ излучать огонь вдохновенія, годами двигать на жертвы и подвиговъ. — «Экономическій матеріалистъ» по міросозерцанію — Мартовъ идеалистически вѣрилъ въ силу человѣческаго слова и убѣжденія. Апологетъ ортодоксально-классоваго подхода къ людямъ и учрежденіямъ, — онъ не переставалъ исповѣдывать общечеловѣческія начала свободы, равенства и любви.

Только пламенѣя такими чувствами, могъ Мартовъ такъ страстно бороться противъ смертной казни, защищая жизнь и великихъ князей, и социалистовъ-революціонеровъ. Онъ былъ безпощаденъ въ обличеніи большевистскаго террора и насилій. Если произвести выборку образовъ, терминовъ и характеристикъ, которыми публицистическое перо Мартова клеймило «коммунистовъ», — недоумѣваешь, какъ такой ненавистникъ большевиковъ могъ политически отстаивать признаніе этихъ варваровъ законными, хотя и расточительными наслѣдниками русской революціи?

Судьба судила Мартову почти всю его политическую и литературную жизнь провести въ удушающихъ, чаще всего эмигрантскихъ, условіяхъ подполья. Это въ значительной мѣрѣ ограничивало возможности и кругъ вліянія Мартова. Но ни подполье, ни политическія неудачи, ни даже кощунственное извращеніе, подъ водительствомъ былого соратника и друга, дорогихъ для Мартова обѣтованій марксизма — не въ силахъ были поколебать вѣру Мартова въ провиденціальное назначеніе «четвертаго сословія». Въ этой вѣрѣ, безраздѣльной и безотносительной къ окружающей обстановкѣ, въ дни пораженій и всеобщаго разочарованія, — была и сила, и слабость Мартова: сила Мартова — энтузіаста, беззавѣтно преданнаго общественному служенію, и слабость Мартова — доктринера, строителя мнимыхъ стратагемъ и изобрѣтателя тактическихъ рѣшеній.

Мартовъ и мы — принадлежали къ различнымъ теченіямъ русской общественной и политической мысли, — были всегда

въ разныхъ лагеряхъ. До революціи насъ называли «друго-врагами». *Послѣ* — мы стали врагами, примыкавшими иногда къ прямо противоположнымъ полюсамъ. Во время революціи Мартовъ разрушалъ то, что мы созидали. Позднѣ онъ поддерживалъ то, что мы стремились разрушить . . .

Но Мартовъ былъ всегда *честный* противникъ. Онъ органически, инстинктивно не терпѣлъ лжи, избѣгая даже «возвышающаго обмана» ради хотя бы и «низкой» — истины. Не въ этомъ ли секретъ, почему такъ неприемлемо было — не столько для сознанія, сколько для сердца и души Мартова — двурушничество большевиковъ?

Мы оскорбили бы память покойнаго, еслибы передъ его гробомъ, говоря о Мартовѣ, какъ о политическомъ и общественномъ дѣятелѣ, отступили отъ верховнаго критерія всей его жизнедѣятельности, — отъ *правды*.

М. В.